

Дн. Кленовский

**СОБРАНИЕ
СТИХОВ**

I

**ПАРИЖ
1980**

Д. КЛЕНОВСКИЙ

Собрание стихов

I

ПАРИЖ

1 9 8 0

«Собрание стихов» Дм. Кленовского (в двух томах) издается после его смерти, но было подготовлено автором. В него входят избранные стихи из десяти изданных при жизни автора сборников.

Все сборники за исключением сборника «Разрозненная тайна» носили посвящение «моей жене», сборник, «Разрозненная тайна» был посвящен «моим друзьям».

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Я мертвым был. На тройке окаянной
Меня в село безвестное свезли
И я лежал в могиле безымянной,
В чужом плену моей родной земли.

Я мертвым был. Года сменяли годы.
Я тщился встать и знал — я не могу.
И вдруг сейчас под легким небосводом
Очнулся я на голубом снегу.

Ужели спала с глаз моих завеса
И я могу с сухого снега встать
И выпал пистолет из рук Дантеса
И бег мгновений обратился вспять?

И вот иду я узкою тропкою,
Лицо свежит неторопливый дождь
И Болдинская Осень надо мною
Златит листву у придунайских рощ!

1945

ДОЛГ МОЕГО ДЕТСТВА

Двоился лебедь ангелом в пруду.
Цвела сирень. Цвела неповторимо!
И вековыми липами хранима
Играла муза девочкой в саду.

И Лицеист на бронзовой скамье,
Фуражку сняв, в расстегнутом мундире,
Ей улыбался и казалось: в мире
Уютно, как в аксаковской семье.

Всё это позади. Заветный дом
Чернеет грудой кирпича и сажки
И Город Муз навек обезображен
Артиллерийским залпом и стыдом.

Была пора: в преддверьи нищеты
Тебя земля улыбкою встречала.
Верни же нынче долг свой запоздалый
И, хоть и трудно, улыбнись ей — ты.

1949

МОЯ РУКА

Моя рука — день ото дня старей,
Ее удел с душою одинаков.
Немногое еще под силу ей:
Стакан наполнить, приласкать собаку,
Сиреневую ветвь ко мне нагнуть
(Ее сломать ей было б тоже трудно),
Да записать стихи, да изумрудной
Студеной влаги с лодки зачерпнуть.
И это всё. Но в скудости такой,
Овеянной вечернею прохладой,
Есть вечности целительный покой,
Есть чистота . . . — и лучшего не надо!
И хорошо, что силы больше нет
У встречной девушки украсть объятье,
Степному зайцу выстрелить вослед,
Солгать товарищу в рукопожатьи,
Что нетерпенье юности моей
Сменила мудрость осторожной дрожи . . .
Пусть ты слаба и с каждым днем слабей,
Моя рука — ты мне такой дороже!
Вот на тебя смотрю я без стыда,
Без горечи и радуюсь невольно,
Что ты уже не можешь сделать больно
Отныне никому и никогда.

1947

Вот уж осень ставит свой росчерк
Под законченной книгой лета
И она просиявшей рощей
В золотой переплет одета.

И оттиснуты на сафьяне
Перелетною стаей птицы.
Зимним вечером на диване
Перечтем мы ее страницы.

Вспомним ивы, овсы, малину
Между пнями на солнцепеке,
Бархат полночи соловьиной,
Колокольчик голубоокий.

Знать, писалась непонапрасну!
Ведь досталось и нам немного
Чистой радости, ласки ясной —
Дорогого подарка Бога.

Ничего, что и жизнь, как птица,
Улетела, пропала где-то . . .
В самом сердце ее страницы.
Перечтем же их! Вспомним лето!

1949

Легкокрылым Гением ведомы,
Улетели птицы за моря.
Почему же мы с тобою дома
Этим хмурым утром ноября?

Может нужно было взять котомку,
Палку, флягу, пару верных книг
И пуститься ласточкам вдогонку
Через лес и поле напрямик!

Только тем, кто медлят, невозможно
Причаститься радостей земли.
Через все шлагбаумы, все таможни
Невидимками бы мы прошли.

И наверно б выпли мы с тобою
Завтра утром к розовым камням,
Тонким пальмам, пенному приборю —
Золотым, благословенным дням.

И наверно самой полной мерой
Было б нам, дерзнувшим, воздано
За крупицу настоящей веры,
За одно горчичное зерно.

1949

Снова ночь и снова сердце плачет,
И тихонько кто-то говорит:
— Милый! Это ничего не значит!
Пусть немного сердце поболит!

Посмотри: ведь для такой же боли,
Взмаха затупившейся косы,
И пшеница шелестела в поле
Золотом несжатой полосы.

Чтобы после корочкой хрустящей
Всех она порадовать могла,
Став еще душистее и слаще,
Чем она нескошенной была.

1949

Если кошка пищит у двери
И ты можешь ее впустить —
Помоги обогреться зверю,
У плиты молока попить.

Если мальчик бредет из школы
И, насупившись, смотрит вбок —
Подари ему нож веселый,
Смастерить ружье и свисток.

Если девушка на рассвете
Замолчит на твоей груди,
Как молчат, наигравшись, дети —
Через жизнь ее проведи.

Это всё, что во славу Бога
Можешь сделать ты на земле.
Это мало и это — много.
Это — словно цветок в скале.

1948

Мария!

Иоан. 20. 16

Моя душа — что миносица
Перед разверстою гробницей:
К заветнейшему чуду просится
И лицезреть его боится.

О, маловерная! Проникнута
Боязнью все твои стремленья!
И если б не была окликнута —
Ты не упала б на колени!

1949

Все мы нынче так или иначе
Ранены стремительной судьбой,
Но пока один зовет и плачет —
Говорит, к нему склонясь, другой:

Брат! Да будет и тебе открыто:
Никакая рана не страшна,
Если бережно она обмыта,
Перевязана и прощена.

1949

Прозрачным сном прекрасна ночь моя,
Мне, пробудясь, листать не нужно сонник,
И круглым хлебцем радость бытия
Кладет мне утром Бог на подоконник.

И посолив отрезанный ломоть
Дневной заботой, болью и тревогой,
Прияв опять мою земную плоть,
Я дальше мерю долгую дорогу.

И с каждым днем она понятней мне:
В ней поровну всего! И я доволен
Не только тем, что хлеб в моей суме,
Но также тем, что этот хлеб — присолен.

1949

Елочка с пятью свечами
Без игрушек и сластей
Робко льет скупое пламя
В нищей комнате моей.

Ах, не также ль у порога
В мой заветный Вифлеем
Сам стою я перед Богом
Неукрашенный ничем!

Только иглами сухими
Всех земных моих тревог,
Только свечками скупыми,
Что Он сам во мне зажег.

И мою пуская душу
В путь намеченный едва,
Сам же скоро и потушит —
До другого Рождества!

1947

ПРОСЬБА

В день, когда уже ничто не может
Возвратить утраченные дни,
В час, которого не будет строже —
Об одном прошу Тебя я, Боже:
Память у меня Ты отними!

Чтоб забыл я, что когда-то, юный,
По весенним рощам я бродил,
Рвал черемуху и трогал струны,
Провожал серебряные луны,
Розовые зори сторожил.

Чтобы ничего я не запомнил,
Чем мгновенья были высоки:
Ни одной моей подруги дальней,
Ни одной тосканской колокольни,
Ни одной онегинской строки.

Чтоб навек погасли надо мною,
Отзвенели бы и отцвели
Все сады, все звезды, все прибои —
Всё, что я в дорогу взял с собою
Из сокровищ неба и земли.

Если сердце всё это забудет —
Станет не о чем ему жалеть,
Ничего отнять не смогут люди,
И уже совсем легко мне будет
Оттолкнуть скамью и умереть.

1946

СЛЕД ЖИЗНИ

Люблю читать на первом снеге
Скупые заячьи следы.
Смотри: здесь был он на ночлеге,
Тут уходил он от беды,

Там он сидел, прижавши уши,
Водя усами на ветру,
А здесь неторопливо кушал
С березки сладкую кору.

И на душе тепло и славно,
И я, не отрывая глаз,
Читаю этот своенравный,
Наивный заячий рассказ,

И думаю: быть может Кто-то
Моих неизгладимых лет
С такой же милою заботой
В моей душе читает след.

И всё, что мне цвело так дивно,
Так пело сердцу и уму,
Такой же повестью наивной
Наверно кажется Ему!

1945

НЕЖНОСТЬ

Нежность душная сердце жжет
Ко всему, что живет и дышет,
Норы роет и гнезда вьет,
Плод лелеет и лист колышет.

Так и взял бы весь мир себе,
Крепко к сердцу прижал, ликуя!
Только в нищей моей судьбе
Где мне силу найти такую?

Знаю: после, когда я сам
Перестану быть только тленьем,
Этим жадным моим мечтам
Отыщу я осуществленья.

А пока . . . А пока я здесь
Обречен лишь внимать и видеть,
Хлеб украденный молча есть,
Огорчаться и ненавидеть . . .

Отпусти же меня скорей
В тишину Твоей звездной рощи,
Где заветной мечты моей
Ничего нет легче и проще!

1947

РАДОСТЬ

Пусть дано тебе жизней много,
Но сейчас ты живешь одну.
Пусть она только слог, но слогом
Строишь слово. Служи ему.

Строй его хорошо и просто,
Как в горах одинокий дом.
Пусть доска и пила, как сестры,
Породнятся в труде твоём.

Будь расчетлив в числе и мере,
Не волнуйся и не спеши,
А построишь — над низкой дверью
Надпись четкую напиши.

Чтобы люди, прочтя, узнали,
Что в рабочие будни дней
Жил ты в радости и в печали,
Но что радость была сильней.

Что ее ты, входя сегодня
К ней хозяином на порог,
Не украл, не купил, не поднял —
Сам сработал и уберег.

1948

ЖИЗНЬ

Это всё гораздо сложнее,
Чем в мудрейшей из наших книг.
Жизнь твоя . . . — ты сроднился с нею,
Как к любовнице к ней привык.

Ездишь с нею по ресторанам,
И закуливаешь не спросясь,
И на коврик ее медвяный
На ботинках приносишь грязь.

А она? . . . Для нее названья,
Как ни бейся, не подберешь!
В ней и вечности замиранье,
И мгновенья живая дрожь.

В ней минувшего тяжкий камень
И грядущего легкий пар.
Зачарованными путями
Пролегает ее тропа.

Светят солнца в нее и луны,
И пронизывают ее
Золотые, тугие струны —
Мира звонкое бытие.

И совсем не словами — песней
Говорит, наклонясь к ней,
Светлоликий, крылатый вестник,
Верный спутник судьбы твоей.

И от этих сияний звонких,
Этих песен, блужданий, встреч
Обессилен, она ребенком
Хочет рядом с тобой прилечь.

С ней бы надо, как с самой хрупкой,
Самой кроткой и чистой быть,
Озабоченною голубкой
Над ее головой кружить;

Отдыхать на плече покорном
Словно в бурю на берегу
И клевать золотые зерна
Из ее приоткрытых губ.

1949

ПАМЯТИ ГОРЬКИХ ЛЕТ

Не сейчас! — в Христово Воскресенье,
Под адриатический прибой,
В померанцевых садах Мантеньи *
Было бы нам встретиться с тобой!

А на самом деле: ночь и стужа,
Степь и паровозные гудки.
Перед фонарем снежинки кружат —
С наших мертвых яблонь лепестки.

В обреченные, дурные годы
Мы с тобой, любимая, живем . . .
Почему же в эту непогоду
Всё-таки нам хорошо вдвоем?

На твоей щеке снежинки тают
И рука под шубкой горяча,
А висок так сладко отдыхает
В узкой ямке твоего плеча.

Скрипнули и заскулили оси . . .
Вот мы снова в безымянный путь
Равнодушные тела уносим,
Забывающие отдохнуть.

Потерпи еще немного! Вскоре
Мы проснемся в странной тишине,
Взглянем — и внизу увидим море
С парусом на голубой волне.

---

* Итальянский художник эпохи Возрождения.

Побежим к нему крутой тропинкой
Сквозь притихший сад, где там и тут
Ящерицы с изумрудной спинкой
Золотые грозди стерегут.

Задыхаясь, ступим на горячий,
Жемчугом унизанный песок —
И пойдем . . ., и так легко заплачем,
Как я в детстве только плакать мог.

А оставленные нами трупы
Выкинут соседи на ходу.
Разве им понять, слепым и глупым,
Нашу радость и свою беду?

Разве мы вернемся и расскажем,
Что мы белым парусом плывем,
Белой пеной ворох кружев вяжем,
Свежим ветром в облаках поем?

Потерпи еще, моя родная!
Нам уже совсем недалеко
До почти неммыслимого рая,
Где светло нам будет и легко!

1946

ПОЕДИНОК

В этом замке всё уже давно
Язвой тления поражено.

Бледно-розовая стена
Празеленью мутной солона.

Солнечных часов хромой паук
Полустертый вяжет полукруг.

Статуя с отбитою рукой
Сторожит свой собственный покой.

И морщинами со всех сторон
Трещины змеятся вдоль колонн.

Никого не любят здесь, не ждут.
Смерть как будто торжествует тут.

Но вверху, на каменном гербе,
Ласточка гнездо свила себе.

Но у входа тяжкая плита
Корнем дерева приподнята.

Но зимой, в сиреневую рань,
Мох со статуй сглаживает лань.

А крутом в снегу бежит, таясь,
Заячьих следов живая вязь.

Новой жизни свежие ростки
Здесь повсюду вняты и близки.

Пусть, еще несмелая, она
С виду беззащитна и нежна.

Но в веках она переживет
Твердость скал и неизбежность вод.

Слабую, беспомощную плоть
Крепче камня сделал нам Господь.

С каждым летом камни хрупче тут,
Но пышней азалии цветут.

И весенней ласточки слюна
В беге дней прочнее, чем стена.

Нетерпением тела и души
Подгоняемая, жизнь спешит.

Стройным сыном, словом и мечтой
Жизни ты навек причастен той.

Не пугайся тленья и могил!
Навсегда бессмертен тот, кто жил!

1947

ДВОЙНИК

Я стою у своего же дома
И я вижу, как в моем окне
Свет горит и силуэт знакомый
Иногда мелькает на стене.

Это я брожу там до рассвета,
Говорю с собою наяву,
Письма жгу, и мертвого поэта
На свиданье страшное зову.

Темнота на улице безлунной,
Лишь одно окно слепит и жжет
И на нем решеткою чугуновой
Стынет рамы черный переплет.

Я давно уж сам себя покинул,
Через свой порог перешагнул,
Я давно уже из сердца вынул
Ржавой жизни жесткую иглу.

Но остался жить на этом свете
Меж бессонниц, призраков и книг
За меня перед людьми в ответе,
И чужой и близкий мне двойник.

Он тоскует. Он напрасно множит
Обреченные уже пути.
Он ломает руки и не может
Ни остаться в мире, ни уйти.

И не знает он, что близко где-то
Я стою сейчас на мостовой,
Богом и прощенный и согретый,
Навсегда свободный и живой.

Чем теперь могу ему помочь я?
Забрести лишь разве на огонь,
Да на лоб горячий злою ночью
Положить прохладную ладонь?

Но меня всегда невольно тянет,
Как преступника в забитый дом,
Подглядеть, когда ж он перестанет
И бродить и плакать за окном.

Может он уж раздобыл в дорогу
Непахучий белый порошок
И, тая смертельную тревогу,
Делает мучительный глоток?

Подожду я, улицу померю,
А когда затеплится рассвет
Постучусь я у знакомой двери
И узнаю, жив я или нет?

Если нет — не надо будет боле
Ни следить, ни слушать, ни жалеть,
И уйду я свежим ветром в поле —
Золотой пшеницей шелестеть . . .

1947

На сухом полотне заката —
Сок вишневый и бирюза.
Отожгло, отошло куда-то . . .
Можешь снова открыть глаза.

Можешь вновь в колеях дорожных
Оброненную жизнь искать,
Терпеливо и осторожно
Можешь пыль шевелить опять.

Только что подберешь ты, нищий,
На распутии пустых дорог?
Разве вечером ты отыщешь,
Что с утра ты не уберег?

И одно лишь тебе осталось:
Сесть на камень и молча ждать
Отпускающую усталость —
Смерти горькую благодать.

1946

Вот стоишь, такая родная,
В старой шубке, в простом платке,
От обещанного нам рая
Держишь ключик в пустой руке.

Выйдем снова вдвоем в дорогу!
Вечереет. Дымят холмы.
Нам идти уж совсем немного —
Ничего, что устали мы.

Лишь бы только не разлучило
Нас ничто на глухом пути,
Лишь бы вместе хватило силы
До Высоких Дверей дойти.

Дай, друг друга мы перекрестим,
Как привыкли уже давно.
А что нас туда пустят вместе —
Это, милая, решено.

1947

НИЩАЯ ВЕСНА

Я бродил по талым косогорам,
Мартовскую слушал тишину
И в кустах над ручейком нескорым
Повстречал я Нищую Весну.

Шла она почти совсем нагая,
Кутаясь в туманы и дожди,
Осторожно ветки раздвигая
И пути не зная впереди.

Но уже каштановые пряди
Золотом сквозили на ветру,
Но уже прибавился в наряде
Пролесок, расцветший поутру.

Подошла ко мне и застыдилась,
Руки уронила и ждала,
Только быстрым взглядом заслонила,
Но прохладных губ не отняла.

Я сказал ей: пусть тебя другие
И умытой и нарядной ждут,
Косы заплетающей тугие
Майским днем в сиреновом саду!

Ты мила мне именно такою:
Неуверенной в себе самой,
С незаплетенной еще косою,
С удивленных глаз голубизной.

И беспомощной, и виноватой,
И не знающей, вперед спеша,
Что сегодня утром для меня ты
Первым поцелуем хороша!

1945

Гостили мы на острове зеленом,
Среди акаций, уток и камней,
Лишь кампанильи легким перезвоном
Стучались в тишь апрельских этих дней.

Была скамья на берегу залива,
А рядом с нею — ивы и лужок.
И, выкупавшись вместе с нами, ивы
Опять, кряхтя, вростали в бережок.

Те дни прошли. О, как их было мало
И как они все были коротки!
Скупая горсть, которой нехватало
Ни для твоей, ни для моей руки.

И, уезжая, с борта парохода
Глядели мы, волненье затая,
На аметистом тронутые воды
И бережок, где ивы и скамья.

... Не так ли вот в каком-нибудь апреле,
Пускаясь в путь на легком корабле,
Мы разглядим скамью, где мы сидели,
Когда с тобой гостили на земле?

1948

Мне в веках тебя не прославить,
Ни Лаурой, ни Беатриче,
И придется, видно, оставить
Этот славный земной обычай.

Но когда прочитают люди,
Как мне звезды в ночи светили,
Как меня эти звезды любят —
Эти звезды мои не ты ли?

И когда расскажу еще я
О весне, на тебя похожей,
О веселом, как ты, прибое —
Это будешь не ты ли тоже?

Так и жить тебе, жить вовеки,
Не любовницей, не женою,
Не стихами о человеке,
А о звездах и о прибое.

1949

Ночь была такую тяжелою,
Словно я ее нес века.
Неподвижным, студеным оловом
Наклонилась ко мне река.

И усилья не надо было бы,
Чтоб сомкнулась над головой,
И никто б никогда не выловил
Захлебнувшийся голос мой.

И когда бы не ты орешником
Обхватила меня за грудь,
Было б всё как давно обещано —
Да и будет когда-нибудь.

1948

ПРОХЛАДА

На рубеже последних дней
Мне больше ничего не надо,
Вокруг меня уже прохлада
Прозрачной осени моей.

Пусть стали медленней движенья,
И голос изменяет мне,
Но сердца в полной тишине
Красноречивее биенье.

Ложится сумрак голубой
На тяжелеющие веки
И так прекрасно быть навеки
Наедине с самим собой.

1947

ЛИШНИЙ

Как собака из лужи пьет,
По колючим помойкам рыщет —
Так и он свою жизнь живет,
Свое нищее счастье ищет.

Знает трусость и знает злость,
Знает, жгучее раз от разу,
Как прекрасна простая кость
Кем-то вываренная до отказа.

А умрет он, как клячи мрут
На ноябрьской крутой дороге:
Напоследок лишь отпрягут
Да немного откатят дроги.

Сунут сена ненужный клочок
К морде, тронутой пеной алой,
Да шлею под шершавый бок . . .
Пожалеют еще, пожалуй!

И останется лишь дымить
Лужа крови в снегу дорожном . . .

Скажешь: можно ль так жизнь прожить?
И оказывается — что можно.

1947

НА ПОБЫВКЕ

Вот с тобой мы снова на побывке
На далекой родине-земле.
Перед нами мутные опивки
В неуклюжих кружках на столе.

Где мы это? Верно на вокзале?
Все спешат, повсюду грязь и пыль . . .
Хорошо, что мы с тобою взяли
В дальний путь заветную бутыл!

Приложись к напитку золотому
И соседу предложи глоток.
Он не хочет? Не привык к такому?
Говорит, что он ему не в прок?

Есть обратный поезд в 9.20,
Это лучше, чем в 17.06.
Будем понемногу собираться .
Всё равно не оставаться здесь!

1949

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ СОН

В пустынных парках Царского Села
Бредет, стена, осеннее ненастье . . .
Мне страшно здесь! Здесь юность солгала,
Растаяв первым и последним счастьем;

Здесь призраки свиданья длят свои,
Здесь мертвецы выходят из могилы,
Здесь ночью гимназиста лицеист
Целует в окровавленный затылок:

И гимназистка, в узком ремешке
Пенал и книги на ходу роняя,
Спешит в изнеможеньи и тоске
И двух, вперед ушедших, догоняет.

И почему-то вдруг опять весна
И белой ночи вещее молчанье . . .
Но призраками бредит тишина,
О них тоскуют дремлющие зданья.

О если б кто проснулся наконец,
Упал бы стул, заплакали бы дети!
И горько кипарисовый ларец
Благоухает в строгом кабинете.

Лишь отрок, у окна встречая день
(Ему не нынче было бы родиться!).
Не спит, и царскосельская сирень
К нему слетает песней на страницу.

О, призраки! О, царскосельский сон.
Пронизанный и радостью и мукой!
Кто зрит его, того связует он
Безмолвной и торжественной порукой!

Не та же ли судьба повторена
В трагическом содружестве поэтов?
Не та же ль казнь? И нету в мире сна
Страшнее и прекраснее, чем этот!

1947

ПУТЬ К ЛЮБВИ

Назначение земли — стать
планетой Любви.

Рудольф Штейнер

Всё в жизни к нам приходит через боль,
Всё лучшее — сперва томит и мучит.
Суровый ангел совершенству учит.
Создать себя — нужны армады воль,
Помноженных на бездны и на кручи.
Неисчерпаема земная соль.
Мы выстрадать должны свои творенья:
Ребенка, истину, стихотворенье.

Когда-то в мир, где мы живем сейчас,
С болезненным упорством, неумело,
Как зуб, прорезывалось наше тело.
И то, что нынче пиршество для нас,
В чем красота и радость без предела:
Живые звезды наших ясных глаз —
К познанию мира открывая двери,
Милльоны лет нам проедали череп.

Вот и сейчас: для будущих времен
Мы копим клад — его зовут Любовью.
Он нас томит неумолимой новью,
Он едкой раной в душах погребен.
Мы покупаем блеск его и звон,
Расплачиваясь совестью и кровью,
Но царское богатство, как песок,
Сквозь пальцы льется в пыль земных дорог.

Пока еще, как по тяжелым плитам,
Шагаем мы, не признаваясь в том,
По брошенным, обманутым, забытым,
Растленным (и задушенным потом!).
Мы давим губы искаженным ртом,
Мы дремлем рядом с нами же убитым,
Мы палачами по чужим домам
Проходим. Никого не жалко нам!

Но в дрожи рук перед бегущей ланью,
Но в птице, выпущенной из силка,
В сиянии обойденного цветка,
В слезах разлуки, в трепете свиданья,
В ломте, отрезанном для бедняка,
И даже в самом жалком обладаньи,
Коверкающем судорогой рот —
Скупой росток грядущего живет.

Так будем же, как пчелы, терпеливы
И соберем по капле трудный мед!
Насытить мир — придет его черед.
Пускай потом, когда нибудь, счастливый,
Его другой в самом себе найдет,
И повседневностью сочтет красивой,
И не поверит, всё познав сполна,
Каких мучений стоила она.

1947

НА КЛАДБИЩЕ

Мы уже всюду были,
Хочешь — зайдем сюда?
Тесно нас обступили
Холмики в два ряда.

Каждый из них украшен
Лилиями в цвету.
Ласточка пьет из чаши
Каменной на-лету.

В церкви звонят к вечерне . . .
Надпись везде одна:
Золотом или чернью —
Сроки да имена.

Видишь, как мало надо
Времени и пути,
Чтоб до простой ограды
С жизнью вдвоем дойти!

Тени кругом сгустились,
Даль в предвечерней мгле.
Может быть загостились
Мы на своей земле?

В мире о нас забыли,
Дома давно не ждут . . .
Мы уже всюду были!
Хочешь остаться тут?

1948

Скажешь: был он зимней зорьки проще.
Ласковый и бережный такой!
Жил он — деревцем в Господней роще,
Умер — словно песня за рекой.

Вот еще зовет вдали и плачет,
Вот уже и вовсе не слышна.
Тишина . . . Но разве это значит,
Что умолкла навсегда она?

Нету песни благостней и выше,
Чем от нас ушедшие поют.
Это только мы ее не слышим,
А она звенит! В ином краю . . .

1948

ВСЕВЫШНЕМУ

Свет горит во мне и надо мною —
Мрака нет и нету пустоты!
Звездным небом и моей душою
Ты твердишь, что существуешь Ты!

Как слепой ребенок, от рожденья
Материнского не зная лица,
Всё-таки запомнил шепот, пенье,
Бережной руки прикосновенье,
Теплоту и нежность без конца —

Так и я Тебя, не видя, знаю,
Разуму земному вопреки
Я Твое дыханье ощущаю,
Песню слышу, шепот понимаю,
Чувствую тепло Твоей руки.

Милостив ко мне Ты бесконечно:
Ты тропинку мне даешь в лесу,
В море — ветер, в небе — пояс млечный,
В поле — зреющую полосу.

Ты прекраснейшую из любовей
В сердце мне, как радугу, зажег,
Мир огромный показал мне внове,
Песенное дал биенье крови
И не раз простил и уберег.

Как же я Твое не вспомню имя,
Сущего, Тебя не назову!
Жизнь проходит тропами глухими,
И Тобой, щедротами Твоими —
Только ими! — я еще живу.

Если нужно, стань ко мне жестоким:
Труд развей и жизнь мою сожги.
Лишь одно: на все земные сроки,
Безымянными, вот эти строки
Во свою же славу сбереги!

1945

ЧУДО СТЕБЛЯ

Вглядись в упругий стебель ржи.
Пойми его. И после, ночью,
Себе-же сам перескажи
Всё то, что увидел воочью.

Рассчетам всем наперекор
И всем наперерез законам,
Стремит он в солнечный простор
Свою отвесную колонну,

И замирает, увенчав
Ее тяжелой капителью.
Какая кладка кирпича
С такою совладала-б целью?

Какой-бы выдержал бетон
Такие трепетные взлеты?
Он был-бы рухнуть обречен,
Дворец, закинутый в высоты!

И где-бы отыскался тот,
Постигший все науки, гений,
Что хоть расчислил-бы полет
Его легчайших сочленений?

А он — построил и стоит,
Нерукотворен и чудесен,
И о нездешнем говорит
Стройнее самых стройных песен.

И так обычен он в своем
Величии необъяснимом,
Что ты пригожим летним днем
Проходишь равнодушно мимо.

Ты скуден скудостью земной,
Не веришь ни в какое чудо...
А вот оно перед тобой,
Спокойным вестником „оттуда“!

Свидетелем, что есть ответ
На горечь всех твоих сомнений,
Что там, где строит вечность, нет
Невыполнимых вычислений.

1949

АПОСТОЛЫ

Они взволнованы. В глазах лучистых —
Неистребимой радости печать.
Их речь порывиста, движенья быстры.
Им нужно столько сделать и сказать!

Они торопятся. Им жизни мало,
И мир им мал. По россыпям морей,
По караванным тропам, перевалам —
Они спешат. О только-бы скорей!

Дойти! Сказать! Поведать всей вселенной,
Всему, что просит, ищет и зовет,
Живую повесть истины нетленной,
Предвозвестить Благоприятный Год!

Они — свидетели. Они видали.
Пред взором их в те дивные года
Калеки шли и мертвецы вставали,
Сиял Фавор, вином цвела вода.

И где-нибудь под деревянной ложкой
В простой суме, между истлевших швов,
Еще быть может залежалась крошка
Когда-то Им надломленных хлебов.

И потому их слово непреложно,
И углем жжет их вдохновенный взгляд,
И даже невозможное возможно,
Когда они об этом говорят.

Они не лгут! И наше утешенье,
Глоток тепла среди житейских стуж —
Поверить в их высокое волненье,
В свидетельство их потрясенных душ.

И их рукой отпущенное слово,
Через века свой пролагая путь,
Летит, поет, всегда свежо и ново,
И белой птицей падает на грудь.

В осадке жизни, выпитой до дна,
Уже совсем не чувствуешь вина —
Лишь оцета в нем вязущая прелость.
И для того она тебе дана,
Чтоб больше пить тебе не захотелось.

1949

ДУНАЙСКАЯ ЗИМА

Припорошены снегом ели,
Ручеек звенит подо льдом...
Не томись, не считай недели,
А живи себе еле-еле,
Ледяной свой лелея дом.

Ах, много ты не построишь!
Да и нужно ли? Всё равно
Этим сердце не успокоишь,
Не согреешь и не укроешь —
Будет зябнуть всегда оно.

Так прими-же, благослови-же
Эту россыпь богатств скупых,
Этот край, что отныне ближе
Весен в Риме и зорь в Париже —
Никогда не жалея о них!

Он дается тебе в забвенье
Пестрой жизни веретена:
Вдохновенья и нетерпенья,
Пиршеств духа и чувств смятенья —
Весь прохлада и тишина.

Подчинись его ласке строгой,
Завтра той-же, что и вчера,
Поброди, помечтай немного,
И домой отыщи дорогу.
Вечереет уже. Пора.

1945

Бродя весной по солнечным дорогам,
Что паутиной по холмам легли,
Так хорошо беседуется с Богом
В скупых просторах неба и земли.

Он слышит всё. Он отвечает редко:
Дыханьем ветра, шелестом травы,
Да иногда черемуховой веткой
Совсем легко коснется головы.

Но в скудных знаках медленной беседы
Красноречивой столько красоты,
Что чувствуешь: ты лучшее изведаль,
Что в этой жизни мог изведать ты.

И вот идешь... Глаза сияют счастьем,
Душа звенит, как горный ключ чиста,
И ароматом первого причастья,
Как у ребенка, тронуты уста.

1946

В круговращеньи мудром бытия
Не каждый-ли другому предназначен?
И, верно, трапезой служу и я
Взыскательному ангелу. Он мрачен,
Когда я не даю ему вкусить
Плодов моей души: любви, смиренья,
Иль обрываю судорогой тленья
Заветной завязи живую нить.
И светел он, когда свои ростки
Я ввысь стремлю, всё легче, всё отвесней,
И позолоченную солнцем песню
Роняю в горсть протянутой руки.
И мне за то, заботливый, он сам
Бесчисленную милость расточает:
Мои сухие ветки обрезает
И бережет от вора по ночам.
И горнюю струя мне благодать, —
То знойный луч, то ясную прохладу, —
Меня готовит яблонею стать
В густых садах Невидимого Града.

Так мы живем, свершая тот закон,
Который каждый ищет и обрящет, —
Я — деревце, садовник добрый — он, —
В просторах вечности плодоносящей.

1948

АНГЕЛЫ

Бойся падших ангелов! В толпе
Ангелов — не все к нам благосклонны.
Есть такие, что, как червь в крупе,
Роются в душе твоей смущенной.

Точат потаенные пути
В чистые, заветные глубины,
Чтобы, в пыль их зерна превратив,
Лишнюю оставить паутину.

Падший ангел — он тебя бедней,
Потому и кормится тобою.
Словно к горлу, к совести твоей
Присосется жадною губою.

Иль твою откормит щедро страсть,
Всё, чем сердце суетно и глухо,
Чтоб потом полакомиться властью
Свежею убоиною духа.

Он тебе является, паря
В силе, славе и великолепьи,
Только горе! если за наряд
С плеч его отдашь свои отрепья.

Настоящий ангел твой незрим,
Подойдет — листа не заколышет.
Будто ты и не встречался с ним!
Будто вовсе он тебя не слышит!

Он тебя не балует ничем,
Строг к тебе, суров порою даже.
Лишь когда отчаешься совсем —
Незаметно путь тебе укажет.

И когда (в лазурь из темноты!)
Он тебе откроет двери рая —
Вскрикнешь ты в смятеньи: „Это ты!
„Я тебя давно и странно знаю!

„Ты скрывался с моего пути,
„Ты молчал, когда я звал на помощь!
„Думалось: ну где-же мне дойти,
„Жалкому и нищему такому!

„А теперь передо мной расцвел
„Этот край, безоблачен и светел!
„И что ты сюда меня привел,
„Веришь-ли, я даже не заметил!”

1948

Как от листвы освобожденный дуб
Рисунком завершнее и строже,
Так осени твоей потери тоже
Тебе скупую четкость придадут.

И не жалеи о шорохе ветвей,
О золоте лучей, о гаме птичьем.
Как этот дуб, замкнись в нем величьи
Великолепной скудости своей.

1948

Как в плотной грозди виноградной
Две виноградинки порой
Теснятся бережно и жадно —
Так в этой жизни мы с тобой.

Нам свет от одного сиянья
И тень от одного листа,
И тем-же чистым ожиданьем
Тугая мякоть налита.

И украдет-ли нас прохожий,
Иль осы выпьют, иль, легка,
Нас срежет Отчая Рука —
Мы в смерти неразлучны тоже.

1949

Последних мук не утаить
Ни равнодушьем, ни усмешкой . . .
Еще хотелось бы пожить,
Немного на земле замешкать!

Я знаю, как прекрасно там,
В мирах невидимых отсюда,
И час придет — себя отдам
Испепеляющему чуду.

Но как-то боязно всегда
Сменить на пышные хоромы
Лачугу песен и труда,
Где плохо мне, но где я дома.

Где всё понятно, где окно
Откроешь — и увидишь крыши,
Где можно, если всё равно,
И не взглянуть ни разу выше.

О, черепица бытия!
Лукавый сторож нашей лени!
Ты видишь, сам кидаюсь я
Перед тобою на колени,

И сам привычное мое
Продлить молю я заточенье —
Лишь только бы не лезвеё
Щемящего освобожденья!

1951

Их ровно шестьдесят от сердцевины —
Тугих колец на спиленном стволе.
Ровесник мой на медленной земле,
Вот и закончен он, наш путь единый!

Исчезнуть — мне. Тебе же — жить и жить,
Стать дверью, лодкой, скрипкой, колыбелью,
Бессмертному земному новоселью
Еще светло и чисто послужить:

Спеть, убаюкать, привезти, впустить . . .

О, если бы и мне вослед тебе
Продлить мой срок, мой срок скупой и тленный,
Мое участие в зреющей судьбе,
В движеньи, в пеньи, в зодчестве вселенной!

1952

Здесь всё совсем не так, как надо:
Здесь песен не поют цветы,
Здесь небо синим водопадом
Не прогрехочет с высоты;

Здесь звезды не благоухают,
Недвижны скалы подо мной,
И ангелы, не отвечая,
Меня обходят стороной.

О, сколько мне еще в смиреньи,
К молчанью сердце приучив,
Терпеть уснувшие камни
И нерасцветшие лучи?

Пока Невидимого Града,
Ликуя, трубы воззвуют
И станет всё опять, как надо,
Как мы давно отвыкли тут!

1951

Я знаю: мир обезображен.
Но сквозь растленные черты
Себя еще порою кажет
Лик изначальной красоты.

Он просияет на мгновенье
И снова скроется во мгле,
Но после каждого виденья
Немного легче на земле.

И с каждым разом мысль упрямей,
Что мир совсем не обречен,
Что, словно фреска в древнем храме,
Лишь грубо замалеван он.

И некий Мастер, в час свершений
К нему заботливо склонясь,
Освободит от оскорблений
Его классическую вязь.

1951

Опять, опять! Всё это прежде было
И повторяется в который раз!
Вот так же море в жесткий берег било,
В провалах туч закат, срываясь, гас;

И ветер дул, и так же было надо,
Изнемогая, выпустить из рук —
Не жизнь (что жизнь!) — тебя, моя отрада,
Из тьмы времен мне возвращенный друг!

И так всегда! И в новом повтореньи
Я, так же как и в прежних, не пойму,
Кому вот это страшное служенье,
И эта верность горькая — кому?

Что знаю я? Но спутник мой крылатый
Меня зовет и говорит: — взгляни!
И вижу след девической ступни
На золотистой отмели Евфрата.

1951

Нехорошо о слишком многом знать,
Неразделенной радостью томиться,
Над книгою прочитанною ждать
Пока другой перевернет страницу.

Мне не с кем перекинуться мечтой
И некому довериться до срока . . .
О, жизнь моя, я словно правнук твой!
Как от тебя я убежал далеко!

А ты осталась где-то позади,
Со старческим следя недоуменьем,
Как я свободно, с песнею в груди,
Взбегаю по стремительным ступеням.

Но страшно мне. И боле не спеша —
Ищу, зову, но все мертвы и глухи.
И, присмирив, я замедляю шаг,
Опять, опять равняясь по старухе.

О, если бы перелететь стремглав
Тысячелетий пыльные предместья,
И к воротам акрополя припав —
Быть наконец с ровесниками вместе!

1951

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

От чего сегодня оттолкнуться
Отлетающим моим стихам?
На какой мне шорох обернуться,
Над какой мне лужицей нагнуться,
Чтобы в ней увидеть звездный храм?

О, я знаю: лишь в прикосновеньи
К повседневности моей земной
Обрету нездешнее виденье,
Лишь в ее прозрачном отраженьи
Просияет мир передо мной.

Если б не было ее, смиренной,
Предо мной поверженной во прах,
Я бы заблудился непременно
В неизбежном грохоте вселенной,
В Скорпионах, Девах и Стрельцах.

С ней же мне и дальний путь не дален!
В каждой капле, камешке, листе
Шумный космос дремлет, изначален.
Оттолкнулся — и, глядишь, причален
К самой невозможной высоте!

1950

Темен путь среди земного мрака .
Как могу понять себя, познать я!
Так сургуч не понимает знаков
В нем навек оттиснутых печатью.

Но разящее прикосновенье
Ощутил он в трепете и дрожи
И хранит прекрасное раненье —
Оттиск духа на остывшей коже.

И пускай еще никак сегодня
Не прочесть мне своего названья —
Знаю я: на мне печать Господня!
Мне довольно этого сознанья.

1950

ЖИЗНЬ

Не доро́гой — тропой дремучею
Мчишься гоголевским Хомой.
Оседлала меня, замучила,
Наглумилася надо мной.

Осадить бы! В крапиву свалится!
Только страшно — ведь в тот же миг
Обернется она красавицей
И предсмертный раздастся крик.

Будет стройною, черноокою
На земле лежать, не дыша,
И заплачу над ней, жестокою,
Той, что всё-таки хороша.

1951

В КОМНАТЕ УМЕРШЕГО

Да, опустело здесь . . . На кресле, за столом —
Повсюду нет уже родного силуэта.
И эта тишина! И вот: не быть вдвоем . . .
Как это оправдать и как осмыслить это?

И всё-таки — не плачь! И комнату покинь!
Сойди по лестнице и, стоя на пороге,
Вглядишься в рассветную бледнеющую синь.
Ты видишь, это он шагает по дороге!

Не нужно! Не зови! Его уж не вернуть!
Но знай: он жив еще и жить ему без счета!
Он только погостил и снова вышел в путь.
И, слышишь, он поет! Вдали. За поворотом.

1950

В ЛЕСУ

Июльский полдень зноен, что костер,
Но здесь, в лесу, для путника отрада:
Он свежестью пронизан до сих пор,
Предутренняя медлит в нем прохлада.

Остановись. Присядь на мшистый пенёк,
В орешнике едва заметный глазу,
И допивая утреннюю лень —
Прислушайся к чудесному рассказу.

Слетает лист на розоватый мох,
Струит грибок свое благоуханье
И слышен шорох, шелест, шепот, вздох —
Неутолимый говор мирозданья.

1947

В тот край дорога неисхожена
И вьется тропкою глухой,
И хохотом вспугнет прохожего
Под вечер леший за ольхой.

Но неприметными приметами,
Кто ей доверился, ведом:
Слетает лист (хотя не лето ли?),
Вздохнет без ветра лес кругом;

Да выйдет из кустов медведица,
Лизнет в ладонь — и снова прочь . . .
И если всё-таки не верится —
То, значит, нечем и помочь.

1950

Корзина с рыжиками на локте,
А за плечом — мешок еловых шишек.
Опушки леса ласковый излишек —
Не царский ли подарок нищете!

Затопим печку, ужин смастерим
И ляжем спать на стружковой перине.
Есть в жизни грань, где ты неуязвим,
Неуязвим, как ветры и пустыни.

1951

Высох ключ, струившийся в овраге.
Полдень жжет. Но вот, взгляни сюда:
В полом пне немного мутной влаги —
Дождевая, прелая вода.

Не расплескивай ее, играя
Хвостинкой! Может быть она,
Скудная и жалкая такая,
Всё-таки кому-нибудь нужна!

Может быть придут ее напиться
Завтра утром белка или ёж . . .
Или сам ты (может всё случиться!)
К ней с последней радостью прильнешь.

1950

Пирог с грибами стынет на столе.
Меня зовут. Бегу огромным садом.
Вот этот полдень, в Царском ли Селе
Иль в Павловске, он здесь, со мною рядом.

Он был хорош не только тишиной,
Не только беззаботностью и ленью —
Он был взыскательный учитель мой
И научил высокому уменью:

Уменью жить цезурою стиха,
Как эти вот дворцы, аллеи, шлюзы,
Как тот кувшин в бессмертных черепках,
Откуда пили ласточки и музы.

1951

Вспомним вместе, вспомним всё с начала!
Утро пело, озеро цвело,
Лодка у короткого причала
Надломилла легкое весло.

А оттуда, где, спустясь, опушка
Загляделась в радужную гладь,
Куковала щедрая кукушка —
Было даже и не сосчитать!

Что тайком мы оба загадали —
В этом мы признались лишь потом,
А покуда, сидя на причале,
Толковали о совсем пустом.

Вот уже бывшее как в тумане,
Но еще с тобою мы не раз
Милую пророчицу помянем,
Что тогда не обманула нас.

1951

Мы жизнь прошли, как поле, рядом
По узкой и прямой меже
И вот белеет дом за садом
И ужинать пора уже.

Соломенную шляпку скинув,
Прическу поправляешь ты,
Я расставляю по камину
Неприхотливые цветы.

И это всё. Ни клятв, ни бдений,
Ни патетических сонат.
Лишь — голова в твои колени,
Притихший дом и спящий сад.

И тонкий серп над ближней рощей
Нам говорит из полутьмы,
Что нет прекраснее и проще
Того, что пережили мы.

1947

ЗВЕЗДЫ

В учебнике учат дети,
Что, мол, далеко звезда.
Но мне в рассужденья эти
Не верилось никогда!

Бывало, еще ребенком,
Я ночью любил не спать
И звезды легко и звонко
Мне сыпались на кровать.

Я с черных ветвей каштанов
Их стряхивал на песок,
Я, ими набив карманы,
Скупить всё на свете мог.

С тех пор, мое сердце — правда? —
И злым я и черствым был,
Но детской веселой правды,
Старая, не позабыл.

И пусть на земле всё низко,
А в небе всё высоко,
Я знаю, что звезды — близко
И встретиться нам — легко.

1950

Мы с тобою ее запомнили,
Эту медленную весну:
Гиацинты на подоконнике,
Восковую их белизну.

А за ними, весь в колких лужицах,
Тихий дворик, московский, тот,
Что — прикажет весна — закружится,
Защебечет и зацветет.

С Новодевичьего, с соседнего,
Мерно пели колокола.
И любовь наша тоже медленной,
Вот как эта весна, была.

Всё прилаживалась, примеривалась,
Подмерзала то там, то здесь,
Чтобы, словно сперва не веря в нас,
После вдвое щедрей расцвести.

... Вспоминаешь, и в сердце — лужицы,
Гиацинты, колокола
И та девушка, в косах, в кружевце,
Что тобою тогда была.

1951

ХРИСТИАНСКАЯ МУЗА

Когда апостол Иоанн
В ночи повествовал о Боге,
Нежданной гостью дальних стран
Явилась муза на пороге.

Блистательно-обнажена,
Она едва внимала Слову.
Казалось, вот сейчас она
Покинет этот кров суровый.

Но Слово зрело и цвело,
Переливалось теплой кровью,
То мудростью спокойной жгло,
То кроткой мучило любовью.

И муза ближе подошла
И, кутаясь в овечьи шкуры,
На край убогого стола
Присела девочкою хмурой.

И длилась ночь. И пел рассказ.
И, незаметная дотоле,
Морщинка меж лучистых глаз
Легла, чтоб не исчезнуть боле.

И жалость скорбью обожгла
Уста, и навсегда богиня
Голгофы оцет пролила
В прозрачный мед своей латыни.

На шее девственной она
С тех пор прохладный крестик носит
И, терпелива и нежна,
Для нас у Бога песен просит.

1947

РОДИНЕ

Между нами — двери и засовы.
Но в моей скитальческой судьбе
Я служу тебе высоким словом,
На чужбине я служу — тебе.

Я сейчас не мил тебе, не нужен,
И пускай бездомные года
Всё петлю затягивают туже —
Ты со мной везде и навсегда.

Душное минует лихолетье,
Милая протянется рука . . .
Я через моря, через столетья
Возвращусь к тебе издалека.

Не спрошу тебя и не отвечу,
Лишь прильну к любимому плечу
И за этот миг, за эту встречу,
Задыхаясь, всё тебе прощу.

1952

НЕ ЗАБЫТОЕ, НЕ ПРОЩЕННОЕ

Когда весной — чужой весной! —
Опять цветет сирень,
Тогда встает передо мной
Мой царскосельский день.

Он тронут ранней сединой,
Ему за пятьдесят,
Но молодой голубизной
Его глаза горят.

Он пахнет морем и руном
Гомеровской строки,
И гимназическим сукном,
И мелом у доски;

Филипповским (вкуснее нет!)
Горячим пирожком,
Девическим, в пятнадцать лет
Подаренным, платком . . .

Стучит капёль, оторопев
На мартовском ветру,
Звенит серебряный припев
Кавалерийских труб,

И голуби, набив зобы,
Воркуют на снегу.
... Я всех забыл, я всё забыл,
А это — не могу!

За годы зла, за годы бед,
Со мной друживших там,
Привык терять я даже след
К покинутым крестам.

Я схоронил отца и мать,
Я схоронил друзей,
Но их мне легче вспоминать
Чем запах детских дней.

Всё, чем согрела жизнь меня,
Я растерял — и пусть!
Вот даже Блока больше я
Не помню наизусть.

И стало тесно от могил
На дальнем берегу.
... Я всех, я всё похоронил.
А это — не могу!

Когда я думаю, что вот
Там всё теперь не так,
И тот, кто песни там поёт,
Не близок мне никак;

Со мною августовским днем
Не вспомнит злую весть,
Не скажет: «Вот сейчас, вдвоем,
«Костер» бы перечесть!»

Когда я вспомню, что поэт,
Что всех дороже мне,
Убит, забыт — пропал и след! —
В своей родной стране;

Что тот, кто нам стихи сложил
О чувстве о шестом —
И холмика не заслужил
С некрашеным крестом;

Что даже в эти, в наши дни
На невском берегу
Его и мертвого они
Как волка стерегут —

Тогда я из последних сил
Кричу его врагу:
Я всем простил, я всё простил,
Но это — не могу!

1955

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ СТИХИ

1

Когда я, мальчиком, с тобой дружил,
Прекрасный город одиноких статуй,
Густой сирени и пустых дворцов,
Тебя еще не посетили беды:
Твой Гумилев был юношей веселым,
Ахматова — влюбленной гимназисткой,
А Иннокентий Анненский еще
Не задохнулся на твоём вокзале,
И даже Пушкин твой казался мне
Еще не мертвым и не взрослым даже,
А шумным одноклассником моим.

Прошли десятилетия. Не счесть
Твоих утрат. Твои дворцы во прахе
Лежат. Твои поэты казнены
Презреньем, пулею или молчаньем.
И только имя Пушкина одно
Еще, как встарь, сияет над тобою
Прекрасным обещанием, залогом
Грядущей правды.

1954

2

Наверно там еще и ныне
Цветет сирень, журчит вода
И дева бронзовая стынет
У лебединого пруда.

Но что-то стало там иначе,
Как если бы в иной предел
Какой-то гений отлетел . . .
Но кто заметит? Кто заплачет?

1955

Те пармские фиалки на окне,
Что выходило на Неву, завяли.
Их нет давно. И нет Невы. И нет
Меня, которого узнал едвали б,
Когда бы нынче встретил. Он хранил
Еще наивность детства, нежность, жалость,
Писал стихи и девушку любил,
Что — нет не с ним — с другими целовалась.
Где он теперь? Его давно уж нет.
Его убили. Нет, совсем не люди.
Так просто где-то затерялся след,
И лучше мы о нем совсем забудем.
А то он будет ночью в дверь стучать,
Заглядывать в окно, слезлив и жалок,
И требовать любви, Невы, фиалок . . .
А что ему ответить? Что подать?

1955

О, только бы припомнить голос твой —
Тогда я вспомнил бы и этот город,
И реку (не она ль звалась Невой?),
И колоннаду грузного собора,
И тонкий шпиль в морозной вышине,
И сад в снегу, такой нелетний, голый . . .
О, если б голос твой припомнить мне,
Твой тихий голос, твой далекий голос!
Что это всё мне без него? А он . . .
Он потонул, как все тогда тонули:
Без крика, без письма, без похорон,
В тифозной качке, в орудийном гуле,
С последней шляпкой, на крутой волне
Отчалившей от ялтинского мола . . .
О, если б голос твой приснился мне,
Твой дорогой, твой потонувший голос!

1955

В легкой роще, в это утро мая
Пеньем птиц пронизанной насквозь,
Наяву или во сне, не знаю,
Повстречаться с ним мне довелось.

Он скользнул сквозь дрогнувшие ветки
На затрепетавшую траву,
Ждал меня, мучительный и светлый,
Звал меня — во сне иль наяву?

— Ангел мой! — сказал я — Почему ты
Для меня — на дальнем берегу?
Почему я ни одной минуты
Здесь побыть с тобою не могу?

Почему ты только гул прибоя,
Дымный луч, волнистая стезя?
Почему ни говорить с тобою,
Ни тебя увидеть мне нельзя?

... Облако ль внезапно набежало,
Паутинка ль оборвалась сна —
Только вдруг, гляжу, его не стало,
Снова только роца и весна.

Но ответ еще листву кольшет,
Пригибает долу стебли трав:
«Надо услыхать меня, не слышав,
И меня увидеть, не видав!»

1953

РАЗ В ГОДУ

По старинному православному
верованию, за самоубийц можно
молиться только раз в году —
за пасхальной обедней.

На отшибе, за погостом,
Возле двух осин,
Он лежит уже лет со ста,
Без креста, один.

Выступает чуть заметно
Низкий бугорок,
Залетает неприветно
Пыльный ветерок.

Люди кромкою дорожной,
Не взглянув, идут . . .
За него молиться можно
Только раз в году.

✱

Что ни ночь — ко мне приходит,
У стола стоит,
Разговор со мной заводит
Про дела свои.

В каждом слове — боль обмана,
Боль глухой тоски.
У виска чернеет рана
От своей руки.

Чем тебя я успокою,
Боль твою уйму?
Как помочь земной рукою
Горю твоему?

Жребий твой — страстное бремя,
Темная стезя.
Ведь тебя в любое время
Помянуть нельзя.

За тебя нельзя до срока
И свечи зажечь,
Под осиной, под высокой,
Рядом в землю лечь.

Ты живешь во тьме острожной,
В ледяном аду.
За тебя молиться можно
Только раз в году.

Что ни ночь — длинней свиданья,
Тише разговор,
И глядят воспоминанья
На меня в упор.

Всё, что жизнь сожгла былая,
В них возвращено.
Гость мой страшный, знаю, знаю:
Мы с тобой — одно!

Это я из давней были
Сам пришел к себе,
Чтоб за всех, кто мною были,
Заплатить судьбе.

И в земной моей неволе
Сам отныне тот,
За кого никто не молит
И свечи не жжет.

Для кого в одном тревожном
Всё слилось бреду,
За кого молиться можно
Только раз в году.

Дорогая, ты далёко!
Слышишь ли меня?
Не проспй скупого срока,
Жертвенного дня!

Ночью северной, хрустальной,
В дальней стороне,
За обедней, за пасхальной,
Вспомни обо мне!

Окропи меня слезою,
Осени крестом,
Похристосуйся со мною
Мне солгавшим ртом!

Вспомни, как меня любила,
Как клялась, пока
На прощанье подарила
Рану у виска!

Отъщи к далекой были
Заметённый след,
Вспомни, как мы жизнь разбили
В девятнадцать лет!

Вспомни холмик придорожный!
Не забудь — я жду!
За меня молиться можно
Только раз в году.

1954

ЧИСТОТА

Есть недоброе что-то в том,
Что к себе чистота нас манит.
Чистота . . . Кто ее тайком
Не растопчет и не обманет?

Упоительнее всех нег
С чистотой быть беспечно-грубым:
Резать лыжами свежий снег
И девичьи неволить губы.

Будь названье твое цветок,
Утро, девушка иль страница —
Чистота, твой недолог срок,
Он всего лишь мгновенье длится.

Почему везде и во всём
Чистота или вся в былом,
Иль вот-вот облететь готова
От дыхания, взгляда, слова . . .

Чистота, как тебя сберечь,
Братом рядом с тобою лечь?

1955

С тем, кто глаза закроет мне
В какой-нибудь большой больнице,
Я повстречаюсь как во сне
И не успею подружиться.

А может быть и в тот же день
И той же самую ладонью
Приблизит он к лицу сирень
И грудь девическую тронет.

И тем (да будет меж людьми
Его благословенно имя!)
В последний раз еще на миг
Соединит меня с живыми.

1954

В том, что вчера не причиняло боли,
Уже сегодня странный привкус есть.
Еще, конечно, можно выйти в поле,
И закурить, и Фета перечесть.
Но даже в Фете, в поле, в папиресе —
Уже горчинка уходящих дней,
Предчувствие разлуки . . . Хочешь, спросим,
У смерти спросим (ей-то ведь видней!),
Что остается от благоуханных
Земных страниц, волокон и копён?
Она ответит: пепел безымянный.
И вот во всем мне нынче виден он.

1954

С тех пор, как сердце заблудилось,
А тело предало меня —
Так хороша простая милость
Нетрудно прожитого дня.

Он начался кустом сирени
За приотворенным окном
И был без писем, без мигрени,
Без сожалений о былом.

Вот он уходит, потревожен . . .
Опять уже щемит виски . . .
Возьми меня с собою тоже
Туда, где все как ты легки.

1955

ПРОЩАНИЕ С ТЕЛОМ

Пора! Я медлю у предела
И скоро перейду его,
И навсегда закончит тело
Свое земное торжество.

И станет чуждым несказанно,
И странно будет мне извне
Его увидеть безымянным
На обмелевшей простыне.

Вот ты каков, мой спутник тленный,
Со мной обвенчанный двойник,
К чьей близости я постепенно
Как будто к каторге привык!

И всё-таки перед разлукой
Тебя за всё благодарю!
Ведь было ты земной порукой
За душу звёздную мою.

Как бережно ты было с нею
И как всегда терпело ты
Ее смертельные затеи,
Ее безумства и бунты!

Ты с нею всё делило ровно,
Что было лишь тебе дано:
Своих прекраснейших любовниц,
Свое тончайшее вино.

Ты знало (и давно простило),
Что жребий у меня иной,
Что завтра у твоей могилы
Заплачут только надо мной.

И даже я, в скитаньях звёздных,
В моей заоблачной судьбе,
Невольно, рано или поздно,
Навек забуду о тебе.

1955

Когда душа поймет урок
И удивляться перестанет,
Тогда на некий светлый срок
Она провидицею станет.

И примет всё она тогда:
И нищету, и боль, и эту
Сквозь раскаленные года
Стремглав летящую планету.

И станет дивно внятн ей,
Пускай еще неизъяснимо,
Весь этот странный строй вещей,
Жестокий и необходимый.

1952

ВЕСНОЙ

Уже серебрятся ветки
У старых печальниц-ив,
Вдох ветра сквозь ельник редкий
Так нежно-красноречив.

Настойчивей стали реки,
Податливей — берега.
... Лишь повесть о человеке
Мучительна и долга.

А здесь всё быстрее и проще,
Всё радостнее стократ:
Легко зеленеют рощи,
Легко расцветает сад.

А сколько душе скитаний
Покамест она пройдет,
Как этот подснежник ранний,
Сквозь этот тяжелый лед!

1954

Если я лишь песчинка тленная
На пустом берегу земном —
Для чего же тогда вселенная,
Мой огромный, мой страшный дом?

Для чего тогда звезды прядают,
Солнца зреют и луны ждут,
За кладбищенскою оградой
Что ни лето цветы цветут?

От сияния до мерцания,
От звезды и до лепестка —
Всё немолчное обещание,
Вдаль протянутая рука.

Только веритья, только вслушаться —
И узнаешь ты и поймешь,
Как деревья и царства рушатся,
Колосится душа и рожь.

И в чудесном каком волнении,
Вырываясь из всех оков,
Всё спешит к своему свершению,
На какой-то далекий зов.

1952

Вспорхнув, крылом меня задела,
Неуловима и легка.
Не из иного ли предела
Ко мне простертая рука?

Толкнуть вперед хотела или
Остановить и уберечь?
Зачем гадать! Мы не учили
Грамматику нездешних встреч.

Мы просто ничего не знаем
И вот в невежестве своем
Прикосновенья забываем
И шорохов не узнаём.

А завтра, смотришь, лодка тонет,
Лжет поцелуй, густеет мгла . . .
О, если бы вчера я понял
Заботу твоего крыла!

Но ты простишь, само терпенье,
Лишь покачаешь головой,
Мой легкий ангел (весь — паренье!),
Неуловимый спутник мой!

1954

Вот она, моя любимая,
Ненаглядная моя,
Летним облачком хранимая
От ожога бытия.

Шла да шла своей дорогою,
А оно над ней плыло,
Легкой тенью мягко трогая
Запыленное чело.

Сохранило — и растаяло.
Вот и вечер на дворе . . .
И стоит она, усталая,
Но ясна, как на заре.

Всех, кого встречает, радуя
Тем, что день не иссушил:
Этой утренней прохладой
Необугленной души.

1953

Я видел только край щеки
Да локон у виска,
Но знал: всем безднам вопреки
Тебя я разыскал!

А наверху в косом луче
Струистый ладан гас
И жарко пчелами свечей
Гудел иконостас.

И я по улице пустой
В притихшем городке
Отнес любовь мою домой
Как просфору в платке.

И до сих пор она еще
Лежит, всё та же, в нем
И пахнет воском и лучом —
Вот тем далеким днем.

1955

Я вспоминать люблю об этом
Далеком и счастливом дне.

Он начался простым рассветом,
Зарозовевшим на сосне,
И разгорался понемногу
Всё радостней и горячей.
И вот, в туфлях на босу ногу
И с полотенцем на плече,
Сперва дорожкой по саду,
Затем тропинкой под уклон —
Туда, где пруд ночной прохладой
Еще блаженно напоён.
И вдруг (я ветки раздвигаю),
Вся в брызгах солнца и воды —
Ты, ослепительно нагая,
Виденье неги и беды.

С тех пор (прости мое признание,
Ты будешь им удивлена),
С тех пор в моем воспоминаньи
Ты навсегда обнажена.
И пусть известно мне, что где-то,
Давно уже немолода,
Живешь ты, тщательно одета
И оскорбительно горда —
Ты вот такую сохранилась
Сквозь всё нагроможденье дней
В прозрачной памяти моей.
Благодарю за эту милость!

1955

Как поцелуй через платок,
Что хуже свёл с ума,
Как та приписка между строк,
В которой суть письма —

Так наша встреча началась
В те дни далеких лет:
Вся любопытство, а не страсть,
Вся прихоть, а не бред.

Но был губительным ожог
Тех ветреных утех,
Ты не смогла и я не смог
Разъять объятий тех.

И вот, как видишь, сбереглось
И будет жить века
То, что когда-то началось
Как будто с пустяка.

1953

СОНЕТ О МЕДЕ

Засахаренным солнечным лучом
Сияет мед на блюдечке стеклянном.
Послáнец неба! Гость благоуханный!
Что хочешь ты поведать нам? О чем?

Увы, мы никогда их не прочтем,
Те знаки формулы твоей нежданной,
Что в золотом ларце, от Бога данном,
У ангелов хранится под ключом.

Мы будем, волшебства не замечая,
Тебе всего лишь радоваться, к чаю
Меж булочкой и маслом получив.

Ведь тайна тайн твоих неизреченна,
И может быть, от нас сокрытый, жив
На хрупком блюде вздох самой вселенной.

1954

**ЭПИТАФИЯ
НА СМЕЖНЫХ МОГИЛАХ**

Были: он садовником глухим,
Я — поэтом, всем внимавшим зовам.
И трудились каждый над своим:
Он — над саженцем, а я — над словом.

Мы ушли. Но на какой-то срок
На земле неистребимо вешней
Сохранимся: я — десятком строк,
Он — посаженною им черешней.

1954

Мне не придется «там» писать стихов,
Но вряд ли ремесло свое забуду.
Мне верится, что даже и без слов
Опять, как здесь, служить я слову буду.

Не знаю чем. Как это разгадать,
Земного равновесья не наруша?
Быть может тем, что хочется назвать
Ямбическим прикосновеньем к душам?

Прикосновеньем стройным, как строка,
Которое в душе строку разбудит . . .
Ах нет, не знаю! Пусть со мной пока
Мечта об этом, затаясь, побудет.

1957

Ну да — и рожь! Та расцветает тоже,
Сама как будто тем удивлена,
И так на все цветенья непохоже,
Что ты не знаешь, что цветет она.

Едва заметным лиловатым дымом
Из края в край всё поле обовьет.
Она цветет, цветет почти незримо,
Почти тайком, но всё-таки цветет.

О, не стыдись! Поговорим о чуде,
О несказанном таинстве земли,
Где все мы, все — поля, деревья, люди —
Хотя бы раз, хоть тайно, но цвели.

1957

Какая-то радость (но кто же
Из смертных ее назовет?)
Нам всё-таки сердце тревожит
И жизнь разлюбить не дает.

Откуда она сохранилась,
Свой луч затаила во мгле,
Последняя чистая милость
На этой недоброй земле?

Созвездья ль в нее уронили
Свою потаенную пыль?
Пыльца ли в ней утренних лилий
С утраченной райской тропы?

И мы с безымянного детства
Своей неизбывной земли
Того золотого наследства
Истратить еще не смогли.

1958

Как много есть прекрасного на свете:
Крыло орла, девическая грудь,
Кленовый лист, Риальто на рассвете,
Раздолье Волги, ландыш, млечный путь . . .

И вот еще: прыжок бегущей лани,
Глаза ребенка, парус на волне . . .
Ты видишь сам: не сосчитать названий,
Не перечислить ни тебе, ни мне.

И всё-таки не легче ль жить на свете,
Когда ты знаешь, что везде кругом
Есть волны, клены, девушки и дети
И даже просто чей-то сад и дом?

Ты говоришь: всё это преходяще!
И ты неправ! Ведь будущей весной
Опять прыжок в зазеленевшей чаще,
Опять подснежник свежий под ногой!

Наш мир в бреду. Он шепчет заклинанья,
Он душит всё, чем жизнь еще права,
Но в мире нет разрушенного зданья,
В котором бы не проросла трава.

1958

АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ

С детских лет ты был всегда со мною:
В первой женской бережной руке,
В первой половице под ногою,
В первом солнце на моем виске.

А потом ты шел со мною рядом,
Баловал парижскою весной,
Римским утром, андалузским садом —
И по-русски говорил со мной.

Я тогда не знал тебя. Я думал:
Это я с собою говорю.
Слишком много радости и шума
Заглушало молодость мою.

Но теперь, когда так тихо стало
И вокруг меня и надо мной,
Разгадал я голос, что бывало
Принимал я второпях за свой.

И теперь я знаю: если всё же
Был хоть чем-то в жизни я хорош
И была на истину похожа
Иногда моя земная ложь;

Если женщин целовал не рая
И колосья трогал не губя —
Это только след твоих касаний,
Это всё — тобой и от тебя.

И всего мудрей, всегда и снова,
От рассвета до заката дня,
Было то, что ты меня, дурного,
Уберег от самого меня.

1957

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Есть зданья неказистые на вид,
Украшенные теми, кто в них жили.
Так было с этим.

Вот оно стоит
На перекрестке скудости и пыли.

Какой-то тесный и неловкий вход
Да лестница взбегающая круто
И коридоров скучный разворот —
Казенщина без всякого уюта.

Но если приотворишь двери в класс —
Ты юношу увидишь на уроке,
Что на полях Краевича, таясь,
О конквистадорах рифмует строки.

А если ты заглянешь в кабинет,
Где бродит смерть внимательным дозором —
Услышишь, как седеющий поэт
С античным разговаривает хором.

Обоих нет уже давно. Лежит
Один в гробу, другой, без гроба, — в яме,
И вместе с ними, смятые, в грязи,
Страницы с их казненными стихами.

А здание? Стоит еще оно,
Иль может быть уже с землей сравнялось?
Чтоб от всего, чем в юности, давно,
Так сердце было до краев полно,
И этой капли даже не осталось.

1957

Когда, протягивая руки,
Я вижу молодость мою —
Весь сокровенный смысл разлуки
Я просветленно познаю.

Пока она во мне, со мною
И распускалась и цвела,
Пока она совсем нагою
В моих объятиях была —

Ценил ли я ее усладу,
Ее полураскрытый рот?
Нет, нам расстаться было надо
И снова встретиться — и вот

Она встает передо мною
И приближается ко мне
Всё той же, но совсем иною,
Впервые понятой вполне.

Пускай и мрак вокруг струится
И тяжесть прячется в виске —
Я вижу даже тень ресницы
На розовеющей щеке.

И как я мог в далекой были,
Той ослепительной весной
Не разглядеть алмазных крыльев
Сиявших за ее спиной!

1958

О, славные содружества поэтов
Благословенной пушкинской поры!
Где ваши клятвы, пылкие приветы,
Беседы и невинные пиры?

Где ваши споры, где ночные бдения
На берегах торжественной реки,
Звенящие, как струны, посвященья,
Упомяненья, краше чем венки?

Всё отошло . . . Мы вам уже не пара!
Мы мелочны, завистливы, скучны,
И даже самым совершенным даром
Развлечены, но не потрясены.

На сердце нам, заветно и глубоко,
Высокой дружбы не легла печать.
Вот почему и радости высокой
В стихах у нас — увы! — не прозвучать.

1958

Не камешком в мозаиках Равенны,
Не багрецом на фресках Ватикана —
Была я лишь клочком веселой пены
На голубых просторах океана.

Но я навстречу парусу взлетела,
С прибрежным рифом, ускользя, билась,
Я смуглой девушки ласкала тело
И в золотой песок, устав, зарылась.

Мой быстрый путь ничем не обозначен,
Моя судьба случайна и мгновенна,
Но я была счастливей и богаче,
Чем все гробницы и дворцы вселенной.

1958

В талом небе такие мокрые,
Акварельные облака.
... Мог ли я сомневаться, мог ли я
Не поверить, что ты близка,

Если так хорошо и весело
Ты умела ко мне прильнуть,
Медный крестик с моей повесила
На свою золотую грудь?

... В мутном небе такие влажные,
Акварельные облака.
... Важно ли, что была ты, важно ли,
Что слабела в моих руках,

Если вот вспоминаю редко я
И так нехотя о тебе,
Если ты раскаленной меткою
Не осталась в моей судьбе?

... В бледном небе совсем туманные,
Акварельные облака.
Почему меж других — не странно ли? —
Эта путается строка?

Или ею напоминает,
Что всё лучшее навсегда
Разлетается, расплывается,
Растворяется без следа.

1958

Чем дольше я живу, тем ненасытней я,
Тем с большей жадностью тянусь к усладе здешней.
Пусть ждет меня нектáр иного бытия —
Я от разлуки с ней всё безутешней.

И радость мне моя последняя горька . . .
Так в блекнущем саду, где астры холодеют,
Озябшая пчела с последнего цветка
Пьет скудный мед, сама уже скудея.

К остывшим венчикам она ревнивей льнет,
Неяркий солнца луч ее уже не тешит,
А то, что в улье ждет богатство полных сот —
Стяжательницы милой не утешит.

1957

Моя душа! Чужою тенью
Ты посетила край земной
И верно только на мгновенья
Бывала счастлива со мной.

В часы отчаянья и скуки
Не ты ли — и всегда права! —
Мои удерживала руки
И стерегла мои слова?

И лишь когда стихи как море
Захлестывали сердце мне,
Ты тоже, радуясь и вторя,
Бывала счастлива вполне.

Что принесет нам наша встреча
В пустынях скудости земной?
Тебя ль мой жребий изувечит?
Меня ль очистит подвиг твой?

Иль встретимся с тобою снова
В далекой мгле грядущих дней,
Зачем-то повторить готовы
Мученья близости своей.

1958

Приземист лес, и берега пологи,
И море глухо плещет о песок . . .
Как этот край, и скучный и убогий,
Мне на сердце тяжелой ношей лег!

Как будто где-то в позабытой были,
Меня теперь догнавшей сквозь века,
Уже давно обещаны мне были
И этот плеск и этот хруст песка.

И здесь, сейчас, в глухом уединеньи,
Назначенном зачем-то наперед,
Какое-то земное преступленье
Не торопясь мой путь пересечет.

Но всё мертво, всё пусто, всё безмолвно,
Лишь плеск воды да ветра слабый стон,
И тайный страх уже спадает, словно
Измучивший и отлетевший сон.

Но навсегда запомнится мне этот
Пологий берег, волны и песок
И то, что там осталось без ответа:
Смутивший знак, ненаступивший срок.

1957

Жизнь незаметно, с каждым днем,
Мне всё становится нужнее.
Мы так давно уже вдвоем,
А вот впервой сроднился с нею.

Так в детстве смотришь, не дивясь,
На статуэтку на камине,
И сердца не волнует вязь
Ее давно знакомых линий.

А после как-нибудь возьмешь
И разглядишь ее прилежней
И подпись Мастера найдешь,
Которой не заметил прежде.

И вот особое с тех пор
Ты видишь в ней очарованье,
И для тебя ее фарфор —
Сладчайшей плоти трепетанье.

С тревогой размеряешь срок,
Что ей отпущен быть твоею,
И мыслишь: как я только мог
Всегда не любоваться ею!

1956

Как бушевали соловьи
Над нашей гоголевской хатой
Луною выбеленной и
Подсолнухами полосатой!

Их было не перекричать!
Но, неуверенно вначале,
Еще пугаясь всё сказать,
Мы их с тобой . . . перешептали.

Как было хорошо прильнуть
Губами к маленькому уху!
С собой мы взяли в дальний путь
Ту немудреную науку.

И с той поры она для нас
Защитой стала неизменной:
Таким же шепотом сейчас
Мы заглушаем шум вселенной.

1958

В одну из тех ночей, когда
Откинувшись, как для глотка,
Ты жаждешь неба, а звезда
Так безнадежно далека —

Не радостно ли ощутить
Плечо любимой у плеча,
Ту близость, без которой жить
Не стоит, скажешь сгоряча.

А между тем никто нигде
Тех двух пространств не превозмог
И путь к любимой и к звезде
Так одинаково далек!

1958

Подснежник узкой льдинкою в горсти,
Как та, через которую прошел он.
Еще он весь морозной тайны полон,
Морозной тайны своего пути.

И пальцы холода прикосновеньем
Мне греет сердце медленный цветок,
Который лишь терпеньем превозмог
Всю невозможность своего рожденья.

1956

Ты была в моей судьбе
Самою хорошою
И любовь моя к тебе
Стала легкой ношею.

Сколько тропок и дорог
Нами здесь исхожено!
Только скука в узелок
Не была положена.

И на пнях среди зимы
Было много сижено,
Без того, чтоб были мы
Стужею обижены.

Сапожки совместных дней
Нами не изношены.
Ты была в судьбе моей
Самою хорошою!

1958

Встретились, как с многими встречались —
В тусклый день и равнодушный час,
И сперва еще не разобрались:
Началась любовь, не началась?

Но уже, как если бы в поруку,
Ты тогда мне руку отдала,
Милую, встревоженную руку,
Ту, что никогда не солгала.

Задержалась только на мгновенье,
На почти неуловимый срок,
Так что смысл того прикосновенья
Разгадать я лишь сегодня смог.

... Надо в мыслях чаще возвращаться
К отгоревшим, отшумевшим дням,
И в золе их мы найдем богатства,
Что в огне не просияли нам.

1958

Я думал до сих пор, что наша
Давно развязанная связь
Хотя была других не краше,
Но всё же в сердце сбереглась.

И вот недавно, в день погожий
Бродя по улице пустой,
Как заблудившийся прохожий
Я вышел к истине простой:

Что всё давным-давно забыто
И окончательно мертво,
Что сердце на могильных плитах
Не написало ничего.

Нет, не подумай, я не плачу,
Я просто на ущербе дней
Одною истиной богаче,
Одною радостью бедней.

1958

Возможно, если бы украдкой
Я снова побывал в былом,
Я разглядел бы недостатки
В далеком облике твоём:

В разрезе глаз, и в цвете кожи,
И в очертаниях груди —
Во всем, на что, когда моложе,
Мы, собственно, и не глядим,

В своем великом нетерпении
Влюбляясь, нужно или нет,
Уже в одно прикосновение
Семнадцати девичьих лет,

Когда неловкая Диана,
Ступив на вешнюю траву,
Для первой, неумелой раны
Стрелу вправляет в тетиву.

1958

Нас было двое. Женщина была
Веселой, молодой и рыжеватой,
Умела лгать и изменять могла,
Не быв притом ни разу виноватой.
Теперь она . . . — но нет, мне легче с ней
На «ты»! — теперь ты всё уже забыла:
Как целовала с каждым днем скучней,
Как мучила меня и как убила.
Нет, не сама, конечно! Кто теперь
Сам убивает? Я отлично помню,
Как ты на выстрел распахнула дверь
И кинулась ко мне, и как легко мне
Внезапно стало: я в твоих глазах
Прочел всё то, во что уже не верил —
Недоумение, и боль, и страх,
И чувство горькой все-таки потери.
. . . О, если бы из тишины моей,
Из моего прекрасного свершенья
Вернуться снова в ужас этих дней,
Изведать снова всё твое презренье,
Всю ложь прикосновенья твоего
И как последнюю земную милость
Спустить курок — всё только для того,
Чтоб ты опять вот так ко мне склонилась.

1956

СОДЕРЖАНИЕ

Из сборника «След жизни» (1950 г.).

Болдинская осень	9
Долг моего детства	10
Моя рука	11
Вот уж осень ставит свой росчерк...	12
Легкокрылым гением ведомы...	13
Снова ночь и снова сердце плачет...	14
Если кошка пищит у двери...	15
Моя душа — что мирносица...	16
Все мы нынче так или иначе...	17
Прозрачным сном прекрасна ночь моя...	18
Елочка с пятью свечами...	19
Просьба	20
След жизни	21
Нежность	22
Радость	23
Жизнь	24
Памяти горьких лет	26
Поединок	28
Двойник	30
На сухом полотне заката...	32
Вот стоишь, такая родная...	33
Нищая весна	34
Гостили мы на острове зеленом...	36
Мне в веках тебя не прославить...	37
Ночь была такою тяжелою...	38
Прохлада	39
Лишний	40
На побывке	41
Царскосельский сон	42
Путь к любви	44
На кладбище	46
Скажешь: был он зимней зорьки проще...	47
Всевышнему	48
Чудо стебля	50
Апостолы	51
В осаде жизни, выпитой до дна...	52
Дунайская зима	53
Бродя весной по солнечным дорогам...	54
В круговращеньи мудром бытия...	55

Ангелы	56
Как от листвы освобожденный дуб...	58
Как в плотной грозди виноградной	59

Из сборника «Навстречу небу» (1952 г.).

Последних мук не утаить...	60
Их ровно шестьдесят от сердцевины...	62
Здесь всё совсем не так, как надо...	63
Я знаю: мир обезображен...	64
Опять, опять! Всё это прежде было...	65
Нехорошо о слишком многом знать...	66
Повседневность	67
Темен путь среди земного мрака...	68
Жизнь	69
В комнате умершего	70
В лесу	71
В тот край дорога неисхожена...	72
Корзина с рыжками на локте...	73
Высох ключ, струившийся в овраге...	74
Пирог с грибами стынет на столе...	75
Вспомним вместе, вспомним всё с начала...	76
Мы жизнь прошли, как поле, рядом...	77
Звезды	78
Мы с тобою ее запомнили...	79
Христианская муза	80

Из сборника «Неуловимый спутник» (1956 г.).

Родине	82
Не забытое, не прощенное	83
Царскосельские стихи:	
1. Когда я, мальчиком, с тобой дружил...	86
2. Наверно там еще и ныне...	87
Те пармские фиалки на столе...	88
О, только бы припомнить голос твой...	89
В легкой роще, в это утро мая...	90
Раз в году	92
Чистота	96
С тем, кто глаза закроет мне...	97
В том, что вчера не причиняло боли...	98
С тех пор, как сердце заблудилось...	99
Прощанье с телом	100

Когда душа поймет урок...	102
Весной	103
Если я лишь песчинка тленная...	104
Вспорхнув, крылом меня задела...	105
Вот она, моя любимая...	106
Я видел только край щеки...	107
Я вспоминать люблю об этом...	108
Как поцелуй через платок...	109
Сонет о меде	110
Эпитафия на смежных могилах	111

Из сборника «Прикосновенье» (1959 г.).

Мне не придется «там» писать стихов...	112
Ну да — и рожь! Та расцветает тоже...	113
Какая-то радость, но кто же...	114
Как много есть прекрасного на свете...	115
Ангелу-Хранителю	116
Царскосельская гимназия	118
Когда, протягивая руки...	120
О, славные содружества поэтов...	122
Не камешком в мозаиках Равенны...	123
В талом небе такие мокрые...	124
Чем дольше я живу, тем ненасытней я...	126
Прощаться всего трудней, потому...	127
Моя душа! Чужую тенью...	128
Приземист лес, и берега пологи...	129
Жизнь незаметно, с каждым днем...	130
Как бушевали соловьи...	131
В одну из тех ночей, когда...	132
Подснежник узкой льдинкою в горсти...	133
Ты была в моей судьбе...	134
Встретились, как с многими встречались...	135
Я думал до сих пор, что наша...	136
Возможно, если бы украдкой...	137
Нас было двое. Женщина была...	138

**Тираж 500 экземпляров
из них 25 нумерованных**

Обложка работы художника С. Л. Голлербаха

World Copyright © by the author

**Склад издания: M. René Guerra
37, rue du Fort. 92130 Issy-les-Moulineaux
FRANCE**

